

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ

ЭКЗАМЕН ПО НАУЧНОМУ КОММУНИЗМУ

РАССКАЗ

Это было в конце шестидесятых годов, теперь уже прошлого, двадцатого века...

Летняя сессия на нашем охотоведческом факультете должна была закончиться к десятому июня. Однако уже в первых числах этого месяца — крайний срок! — я и мой сокурсник Серёга Мухин должны были прибыть на Командорские острова...

Туда из Тихого океана после зимовки на мелководной Банке Стейлмента начнут возвращаться на свои лежбища, для разведения потомства, морские котики. Вернее — котихи, поскольку двухсоткилограммовые секачи-самцы, в отличие от миниатюрных, редко превышающих вес в пятьдесят килограммов самочек, уже находятся, начиная с апреля, на всех постоянных лежбищах Командор, два из которых расположены на острове Беринга и два — на острове Медном. На этих лежбищах самцы и занимают заранее прибрежные участки суши для будущего, состоящего в среднем из сорока—пятидесяти самок, гарема, устраивая между собой порою нешуточные драки в отстаивании своего права на облюбованный участок.

МАКСИМОВ Владимир Павлович родился в 1948 году в селе Кутулик Иркутской области. Окончил охотоведческий факультет Иркутского сельскохозяйственного института; в 1987 году — Литературный институт им. М. Горького. Работал буровым мастером, грузчиком, учителем, был научным сотрудником Лимнологического института на Байкале, принимал участие в экспедициях по изучению котиков в Тихом океане. Много лет проработал корреспондентом городских, областных и региональных газет. Автор нескольких книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Иркутске.

Подход к островам самок, их расселение и дальнейшую жизнь котячьего сообщества до появления потомства нам с Серёгой Мухиным и предстояло отследить, пробыв на Командорах практически всё лето. Эта наша “производственная практика” по изучению повадок именно данного вида ластоногих была согласована с Тихоокеанским институтом рыбного хозяйства и океанографии, сокращённо ТИНРО, находящимся во Владивостоке. С сотрудниками этого института мы заранее списались, и из Владивостока в Иркутск был направлен именной вызов в деканат охотоведческого факультета на меня и Серёгу.

Отчётом же перед родным институтом и ТИНРО, в том числе и за то, что государство не зря потратило деньги на двух студентов, заканчивающих третий курс и отправляющихся из Иркутска на “край географии”, должна была стать очередная курсовая работа, копию которой необходимо было отослать впоследствии, после её написания, вместе с “полевыми дневниками” во Владивосток, в лабораторию ластоногих ТИНРО.

Да, в те незабвенные социалистические времена не студенты платили за своё обучение, как это зачастую происходит теперь, во времена олигархического капитализма, распустившегося (в обоих значениях этого слова) в нашей стране пыльным цветом, будто чертополох или иная сорная трава. В те же советские времена платили студентам. И за проезд к месту практики и обратно, да начисляли ещё и стипендию, если, конечно, учёба шла успешно, не только за учебные месяцы, но и за месяцы прохождения практики. К тому же во время самой практики можно было неплохо заработать, что мы с Серёгой, собственно говоря, и намеревались успешно сделать, заключив с ТИНРО соответствующий договор.

Однако чтобы всё это осуществить и прибыть на острова своевременно, нам нужно было, кроме сдаваемых по графику и уже сданных зачётов и экзаменов, сдать два зачёта и один экзамен досрочно. Разрешение на это от декана факультета Николая Сергеевича Свиридова, всегда идущего навстречу студентам, а заодно и “автомат” по его курсу “Морской зверобойный промысел” (раз уж мы едем изучать морских зверюг!) нами был получен. Так что нам, кроме плановых зачётов и экзаменов, надо было сдать досрочно ещё зачёт по “Основам дарвинизма” и экзамен по “Научному коммунизму”, который вела на нашем курсе молодая и очень привлекательная преподаватель Ирина Сергеевна. На её лекциях, как на некоторых прочих, казавшихся студентам не такими уж обязательными, прогульщиков почти не бывало. Хотя многие из будущих бравых охотоведов (а на этот факультет тогда принимали только парней) вместо того, чтобы внимательно слушать собственно лекцию Ирины Сергеевны, сосредотачивали своё внимание совершенно на иных вещах. Например, любовались не только её чистым красивым лицом, стройными ногами и ладной фигурой, но и другими частями тела. Особенно теми, словно просящими наружу и из плотно облегающей бёдра серой юбки чуть выше колен, и из идеально сидящей на ней светлой кофточки с длинным рукавом, из которой тоже было чему проситься наружу, так сказать, на простор. Может быть, именно поэтому на этой самой кофточке порою нестерпимо хотелось, в дополнение к двум уже расстёгнутым верхним пуговкам, расстегнуть ещё и третью, и четвёртую (всего их было, кажется, пять — маленьких чёрненьких, как глазки ласкового зверька, пуговок). Для большего (чисто эстетического, разумеется) созерцания слегка кольшущейся при ходьбе у доски или между рядами груди, разделяемой короткой (перпендикулярно полу) “стрелкой”, уходящей дальше куда-то круто вниз, как с обрыва, под застёгнутые пуговицы, отчего была видна только верхняя, такая пленительная часть “айсберга” с идеальной белой кожей.

Зачёт по “Основам дарвинизма”, пожалуй, старейшему преподавателю факультета Нарциссу Исаевичу Литвинову, всегда изысканно одетому, с вечной ироничной улыбкой и весёлой лукавинкой в глазах, мне удалось сдать лишь со второго, а Серёге — с третьего захода. Когда мы пришли в кабинет к Нарциссу Исаевичу для передачи зачёта во второй раз, он, по своему обыкновению слегка улыбувшись и рассеянно глядя в окно на институтский

двор (за деревянным забором которого сразу начиналась усадьба декабриста князя Трубецкого, сосланного императором Николаем I в Сибирь за восстание на Сенатской площади 1825 года), чуть помедлив и повернувшись к нам, с уже совершенно весёлым выражением лица, словно мы только что рассказали ему забавный анекдот, спросил:

— Вот что, дорогие дарвинисты, я не стану мучить вас коварными вопросами, которые задавал на предыдущей нашей встрече. Надеюсь, что кое-какой материал вы проштудировали за те три дня, что мы с вами не виделись. Задам простенький вопрос обоим. Кто на него ответит первым — получает зачёт. Итак, полное имя Ламарка?

Серёга сдвинул к переносице свои широкие брови, нахмурил лоб, изображая нешуточный мыслительный процесс. Он даже для пущей важности зашевелил губами, будто мысленно уже произнося имя этого французского естествоиспытателя, предшественника Дарвина, который вместе с немецким учёным Тревиранусом в 1802 году ввёл в научный оборот термин “биология”. После недолгого раздумья он произнёс с вопросительной, впрочем, интонацией:

— Жан Батист Ламарк?

— Это не полное имя, — ещё лучезарней улыбнувшись, ответил Нарцисс Исаевич.

Больше никаких звуков из шевелящихся Серёгиных губ не последовало. Преподаватель вопросительно, с нескрываемой иронией посмотрел на меня.

— Может быть, вы ответите? — спросил он, слегка покачиваясь за столом на стареньком, жалобно поскрипывающем стуле.

— Жан Батист Пьер Антуан де Моне шевалье де Ламарк! — чётко отчеканил я, выдержав необходимую паузу. И ловя на себе два любопытных, скрестившихся, словно лучи прожекторов, высматривающих в чёрном небе вражеский самолёт, взгляда — Серёгин и Нарцисса Исаевича. Честно говоря, я до сих пор не знаю, по какой такой причине запомнил наизусть накануне зачёта полное имя Ламарка.

— Ну, что ж, — чуть помедлив, произнёс преподаватель, переставая покачиваться, — давайте вашу зачётку.

Поставив в нужных графах зачёт и красивую витиеватую подпись, Нарцисс Исаевич уже суховаты, без всегдашней улыбки, возвратив зачётную книжку, произнёс мне:

— Свободны.

Выходя из кабинета, я уловил тоскливый и как будто о чём-то молящий меня взор Серёги и уже вновь ироничный взгляд Нарцисса Исаевича, устремлённый на моего товарища.

Минут через десять из кабинета в коридор, где я его поджидал, вышел Серёга. Веснушчатое его лицо было до удивления красным, словно он решил поработать светофором или стать привлекающим к себе всеобщее внимание первым помидором, привезённым на сибирский рынок из Ташкента ранней весной.

— Велел прийти через два дня, как следует подготовив ещё и сегодняшние вопросы, — угрюмо сообщил он, кивнув на прикрытую дверь. — И откуда он их только берёт?! И каждый раз всё новые, — искренне изумился мой товарищ. — Мы же с тобой вроде весь курс прочли, — уже менее уверенно закончил он.

— Значит, не весь, — включился я в разговор. — А может быть, и конспекты, что ты взял у старшекурсников, были не полные. Он же, говорят, каждый год свой курс дополняет какими-то новыми сведениями. А мы ведь с тобой его лекции до конца не дослушали. Вот он и тычет нас мордой об стол, чтобы знали своё место.

— Да... — только и молвил Серёга, шагая со мной по длинному гулкому пустынному коридору к читальному залу библиотеки, расположенной напротив центральной лестницы с двумя параллельными пролётами, ведущими со второго этажа. В “читалке” мы планировали начать готовиться к экзамену по “научному коммунизму”.

— Знаешь, Макс, — тормознулся Серёга, не дойдя двух шагов до двусторонней двери читального зала, — я, если “Дарвинизм” с третьего захода не осилю, оставляю “хвост” на осень. Да и “Коммунизм” сейчас сдавать не буду. Не успею подготовиться. Тем более что в этом году все как посудурели. Любое дело окрашено теперь у нас в стране предстоящим на следующий год столетним юбилеем вождя мирового пролетариата — Владимира Ильича Ленина! — словно передразнивая передовицы газет, раздражённо произнёс потенциальный двойной хвостист. — Заранее начали готовиться! Об этом только и талдычат теперь повсюду. А сколько нелепых порою сувениров с изображением вождя понаделали! Хорошо, что хлеб ещё выпекают без его чеканного профиля! А конфеты точно скоро, помяни моё слово, начнут с цитатами из его работ на обратной стороне фантиков производить. Типа: “Ешьте меньше, да лучше!”; “Шаг вперёд — два шага в сторону!”; “Империализм и эмпириокретинизм”*, ну и так далее.

— Да ты, Серёга, прямо знаток ленинских работ, — вставил я, но мой товарищ, не обратив никакого внимания на мою ироничную реплику, продолжал говорить о наболевшем.

— Уверен, что и наша “коммунистическая дама” будет лютовать не хуже Нарцисса, хотя и выглядит такой белой и пушистой.

— А при чём здесь Дарвин и Ленин? — снова встрял я.

— Да ни при чём, — вяло согласился Серёга. — Это я так, к слову. Так что иди, готовься к “Коммунизму”, — кивнул он на дверь библиотеки, — а я — в общагу. “Дарвинизм” долбить. Кстати, нам с тобой дней через пять надо в Петропавловск вылетать, чтобы на экспедиционное судно успеть. А оно уж через неделю отходит, — закончил Серёга свой печальный монолог.

— А я всё-таки попробую “Научком” спихнуть. Тем более что договорился с Ириной Сергеевной о том, что мы придём к ней в общежитие преподавателей через три дня. И прямо у неё дома сдадим экзамен. Глядишь, и чайком угостит, — размышлял я. — Ведь она старше-то нас года на четыре, не больше.

— На восемь, — уточнил всё знающий о подобных вещах Серёга. — Ей двадцать девять. Сведения из достоверных источников, — солидно добавил он. — А что касается чая, то я бы с такой женщиной с удовольствием... и не только чая попил, — проговорил он с мечтательной улыбкой и потянулся до хруста в костях. — Эх, такая баба пропадает! — продолжил он. — Поздно-вато мы с тобой, Макс, родились. Так что губу-то особо не раскатывай. Вряд ли тебе там чаёк обломится. Мы для неё щенки. Вот Нарцисс Исаевич, будь он лет на двадцать помоложе, был бы ей в самый раз... Но зато, — перевёл он тему разговора, — мы с тобой скоро по тем местам на судне пройдем, где занимался зверобойным промыслом Джек Лондон! Да и на Командорах он, кажется, бывал! — совсем оживился Серёга. Долго грустить мой приятель не умел.

* * *

Общежитие для преподавателей вузов и аспирантов располагалось в бывшем “Морском храме” — Харлампиевской церкви.

В прежние времена, отслужив в нём молебен, и поставив свечи перед иконой Николая угодника — покровителя путешествующих и странствующих — отправлялись в дальние моря экспедиции Григория Шелехова, названного Михаилом Ломоносовым “Русским Колумбом”, и других купцов. Отбывали на Аляску, в “Русскую Америку”, открытую и обжитую, в основном, сибиряками, и в другие дальние места.

В этом храме (после научной полярной экспедиции на судне “Заря” под предводительством Толля, пропавшего без вести в 1902 году при переходе по неокрепшему льду с острова Беннетта) в 1903 году со своей невестой Тими-

* Перефразированные работы В. И. Ленина: “Лучше меньше, да лучше”; “Шаг вперёд, два шага назад”; “Империализм и эмпириокритицизм”.

рёвой, приехавшей в Иркутск из Петербурга, венчался будущий адмирал Российского флота Александр Васильевич Колчак.

В мои же студенческие годы, по-видимому, некогда очень красивый большой храм представлял собою жалкое зрелище. Куполов с крестами на нём не было. А вот следы разора и запустения, как говорится, повсюду были налицо. И порою создавалось такое впечатление, что власти просто не ведают, что делать с этим “памятником архитектуры”. Разрушить такую махину, как были до того разрушены десятки церквей и соборов, хлопотно. Переоборудовать во что-то иное — ещё хлопотнее. Оставить на дальнейшее саморазрушение — также не годится. Центр города. Иностранцы туристы из близлежащей гостиницы “Интурист” шныряют то и дело и фотографируют эту бесхозность. Одним словом — головная боль для властей предрежающих этот бывший “Морской храм”, вступив в который из солнечного майского дня, я ощутил какую-то сумеречную прохладу и явственный запах плесени.

Отыскав среди множества дверей нужную мне, под номером 3 (и вскользь подумав о том, что тройка бы мне вполне хватило, только бы уж поскорее свалить эту сессию), обитую, видимо уже очень давно потрескавшимся и некогда чёрным дерматином, я постучал по косяку, ибо звонок отсутствовал. Отчего-то с замиранием сердца, словно вступал в зазеркалье в стране чудес, ждал ответа и услышал через короткое время звонкое и бодрое:

— Войдите!

На миг мне представилось, что за растворённой дверью я увижу светлую, хорошо обставленную современной мебелью комнату. И Ирину Сергеевну, сидящую на мягком просторном диване в шёлковом халате с драконами, схваченным на её изящной талии шёлковым, как и халат, тонким пояском, а оттого, пусть и нечаянно, но смело распахнутом и сверху и снизу.

Однако всё оказалось гораздо прозаичнее.

Ирина Сергеевна была всё в той же серой, плотно облегающей её бёдра юбке и светлой кофточке, как и на лекциях, увы, с двумя, не более, расстёгнутыми сверху пуговками.

— А почему вы один? — спросила она недоумённо. — Вас же должно быть двое?

— Мой товарищ решил сдавать экзамен осенью, — как ефрейтор генералу, чётко отпартортовал я. И уже не так подобострастно добавил: — У него возникли проблемы с Дарвином.

— С самим Дарвином? — деланно удивилась Ирина Сергеевна и, улыбувшись, добавила: — Или с Нарциссом Исаевичем всё же?

— С “Основами дарвинизма”, — уточнил я, пытаясь неловко улыбнуться ей в ответ. И удивившись тому, как мгновенно, будто её там никогда и не было, приветливая улыбка сошла с её красивых капризно-пухлых губ.

Лицо стало непроницаемо официальным, и я подумал, что, наверное, Серёга в своих прогнозах был прав. И эта тоже будет лютовать, не сжалившись над бедным студентом, стремящимся в океан, на простор, на волю волн!

— Извините, что я вытащила вас к себе, — прервала мои не очень весёлые мысли Ирина Сергеевна. — Не хотелось мне ехать за город, в основной корпус. Тем более что лекций у меня сегодня нет. А в вашем охотоведческом здании, хоть оно и недалеко от центра города, но пришлось бы искать место, с кем-то договариваться о свободной аудитории или кабинете, а это, согласитесь, неудобно.

Она словно оправдывалась, и мои тяжкие предчувствия стали как-то меркнуть. “Однако чаем здесь, всё же, и не пахнет”, — понял я, слушая её объяснения и разглядывая комнату с единственным очень высоким окном и множеством переборок в раме, как бы разделяющих тянущееся вверх стекло на небольшие квадраты. Подоконник окна по ширине был, наверное, не менее чем метра полтора.

“Да, раньше стены клали — не чета нынешним. Особенно этим панельным бетонам в многочисленных безликих, а точнее — на одно лицо микрорайонах”, — мысленно похвалил я стародавних строителей.

Посреди довольно просторной комнаты стоял старинный круглый стол и два тоже не новомодных венских стула. Рядом с вытянутым окном, по всей

видимости, встроенный в нишу стены, до самого высокого потолка громоздился прямо-таки громадный чёрный шкаф, вызвавший у меня весьма сложные ассоциации. С одной стороны, он показался мне похожим на огромный, будто для сказочного богатыря, квадратный гроб, а с другой — этот шкаф, с его лёгкими фанерными длинными дверцами, одновременно будто бы был выходом, вернее входом в иной, таинственный, волшебный мир. Стоило только с лёгким скрипом отворить эти дверцы и ступить в него.

Ирина Сергеевна перехватила мой взгляд и, кивнув на шкаф за своей спиной, пояснила:

— Наследие прошлых времён. Впрочем, так же, как стол и стулья. По-видимому, прежде в этом шкафу хранилось церковное облачение... А мне порою, особенно на закате, кажется, что дверцы этого шкафа внезапно отворятся, и из него выйдет былинный, огромного роста богатырь, готовый исполнить любое моё желание.

“Надо же, она тоже про богатыря подумала. Значит, есть в этом шкафу действительно что-то богатырское”, — мелькнула у меня попутная мысль.

За ширмой, тоже старинной, с четырьмя створками, обтянутыми шёлковой тканью с каким-то замысловатым узором, слева от входной двери, скорее всего, помещалась кровать.

Ирина Сергеевна вновь, и теперь уже с неудовольствием, отчего она слегка нахмурила брови, перехватила мой изучающий обстановку её комнаты взгляд.

— Ну, что ж, — официальным тоном, произнесла она, прервав моё созерцательное состояние. — Начнём, пожалуй.

Она веером, достав их из сумочки, стоявшей на стуле, разложила на столе обратной стороной кверху экзаменационные билеты и, чуть улыбнувшись, предложила:

— Тяните своё счастье.

Я взял крайний слева билет, в котором было два вопроса.

Первый, про базис и надстройку в социалистическом обществе, я более-менее помнил по лекциям. А вот второй — “Моральный кодекс строителя коммунизма” — не знал вообще. Вернее, знал лишь понаслышке. Из прочитанных кое-где мимоходом лозунгов, касающихся этого самого кодекса. Сама же Ирина Сергеевна в своих лекциях до этой темы ещё не дошла.

— Присаживайтесь, — указала она на стул, убирая остальные билеты на край стола.

Я сел. Достал из портфеля ручку и лист бумаги, но вместо того, чтобы думать над вопросами, вдруг припомнил нечто давнее, казалось, навсегда уже забытое.

Мне было тогда, наверное, лет двенадцать. И вот однажды в поселковом клубе на стене рядом с небольшим глубоким квадратным оконцем кассы я прочёл красочный лозунг: “Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!” — уверенно утверждалось в нём.

На строительство коммунизма тогдашним Генеральным секретарём коммунистической партии и фактическим правителем государства — Хрущёвым — отводилось двадцать лет. С 1960-го по 1980 год. Несомненно, я мог считаться “нынешним поколением советских людей”. Поэтому, прочитав столь оптимистичный и радостный для меня лозунг и, естественно, не подвергнув его сомнениям, я огорчился только из-за того, что ждать коммунизма придётся ещё так долго. Тогда я ещё не ощущал, что года, десятилетия мелькают очень быстро, подобно небольшим станциям, едва уловимым взглядом из окна несущегося мимо них поезда. И ещё огорчило меня то, что я уже буду, по моим тогдашним соображениям, почти стариком. Ведь к 1980 году мне исполнится тридцать два года!

Но зато там, в этом “светлом будущем” всё будет по-другому, не так, как сейчас, когда мама вынуждена работать медицинской сестрой в воинской части то на полторы, то на две ставки, прихватывая частенько и выходные и праздничные дни, для того чтобы побольше заработать, чтобы семья не чувствовала ни в чём нужды и в доме был необходимый достаток. Дополнительные сведения о “светлом будущем”, ещё прежде, я тоже почерп-

нул из лозунгов, прочитанных мною не то в продуктовом магазине, не то в маминной санчасти, куда я частенько приходил в обед поесть из солдатского котла, точнее, из предназначенной для дежурной медсестры порции. Там, на этих тоже красочных небольших бумажных плакатах, выполненных типографским способом, разъяснялось, что рабочий день будет четырёхчасовой. И, самое главное, что там, при коммунизме, будет действовать принцип: “От каждого по способностям — каждому по потребностям!”

И когда я начинал думать об этом счастливом будущем, то мне оно представлялось почему-то всегда одинаково.

Вот я, уже взрослый, в бостоновом в полоску костюме (а именно такие при выходе на свободу приобретали себе недавние сидельцы лагерей — основные строители коммунизма, строившие наш город), в светлом плаще реглан, мягкой серой шляпе (в плащи и шляпы одевались уже бывшие недавние фронтовики), в блестящих тёмно-коричневых штиблетах с рантом... Само собой разумелось, что я высок, строен, красив, как доктор Журавлёв из маминной санчасти, года два назад, приехавший туда работать после окончания московского мединститута. У меня в руках небольшой лёгкий чемоданчик, так называемая “балетка”. С такой отец обычно ходил со мной по субботам в баню, укладывая в неё чистые трусы, майки, полотенца... Я стою на блестящем (как мои туфли) от недавнего дождя перроне у дверей влажного зелёного вагона поезда дальнего следования. Длинный ряд окон этого вагона так же чист, как глаза девушки-проводницы, стоящей у вагона в ожидании пассажиров.

Из нагрудного кармана свободного двубортного пиджака я достаю билет и протягиваю его этой симпатичной, улыбающейся именно мне, потому что у вагона больше никого нет, проводнице.

Куда идёт этот проходящий мимо нашего города поезд, где они обычно стоят лишь две минуты, я не загадывал. Но думалось мне, что обязательно куда-то очень далеко, подальше и от нашего города, и от нашего посёлка с его грязью на дорогах и коровьими лепёхами посреди улицы, с его неказистыми бараками на восемь квартир, в которых мы тогда жили. Наверное, мне грезились юг и море...

Много лет спустя я прочёл у Николая Рубцова в чём-то сходное по ощущениям с моими тогдашними мечтами стихотворение:

*Стукнул по карману — не звенит,
Стукнул по другому — не слышать...
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать.*

— Сразу будете отвечать или вам необходимо какое-то время на подготовку?

Вопрос Ирины Сергеевны вернул меня из дальнего далека (впрочем, лишь девятилетней давности) к действительности.

— Буду готовиться, — рассеянно ответил я.

— Хорошо. А я тогда пока выпью кофе, — приятным ровным голосом проговорила Ирина Сергеевна.

Она вышла из комнаты, а я лихорадочно, в чужом конспекте, которым меня снабдил Серёга, раздобыв у знакомых старшекурсников, испуганно реагируя на каждый шорох за дверью, попытался найти ответ на второй вопрос.

Минуты через две Ирина Сергеевна вернулась в комнату с источающей приятный аромат чашечкой кофе, при этом сделав вид, что не заметила, как я поспешно и неуклюже прячу в портфель общую тетрадь. А я сделал вид, что достаю из портфеля ещё один чистый лист бумаги.

Ирина Сергеевна подошла к окну, немного постояла возле него, рассеяно глядя на цветущую, заполнившую всю нижнюю часть окна сирень, а потом уселась с ногами на широкий подоконник, скинув на пол пушистые тапочки. Юбка у неё заметно приподнялась выше колен и туго обтянула бёдра. Вид был, надо сказать, просто изумительный! Но мне, увы, было сейчас не до него.

Ирина Сергеевна маленькими глотками, с видимым удовольствием пила кофе, время от времени ставя чашку на подоконник рядом с собой и завороженно глядя в эти моменты на пышную сирень, заметно затеняющую нижнюю часть высокого окна.

— Ну что, готовы? — спросила она через какое-то время, вставая с подоконника, оставив на нём изящную пустую чашечку из тонкого фарфора, стенка которой красиво просвечивала на свету.

Если учитывать мои мысленные переживания, связанные с Ириной Сергеевной, то её вопрос прозвучал весьма двусмысленно. И на свои смелые мечты я мог бы ответить, как юный пионер: “Всегда готов!” Но реалии были иными, и я осипшим отчего-то голосом ответил: “Да”, — решив про себя, что “двум смертям не бывать, а одной не миновать!”

— Достаточно. Этот вопрос вы знаете, — прервала мои пространные разглагольствования о базисе и надстройке Ирина Сергеевна. — Переходите ко второму.

Сидя напротив меня и, по-видимому, думая о чём-то своём, она машинально перебирала лежащие на краю стола билеты, то складывая их в стопку, как карточную колоду, то рассыпая веером, будто гадала на свою судьбу.

— Ну, что же вы молчите? — перевела она свой рассеянный взор от билетов на меня, когда пауза уж слишком затянулась. — Это же простой вопрос. Достаточно читать газеты, чтобы найти на него ответ. (Мне так захотелось ответить ей словами профессора Преображенского, из “Собачьего сердца” Михаила Булгакова, дающего совет своему коллеге-врачу: “Вы только не читайте перед обедом советских газет — это ухудшает пищеварение...” А к тому же я газет почти никогда не читал.) Правда, здесь нужны точные формулировки, — добавила она, после небольшой паузы. — На первый вопрос вы ответили очень хорошо, — подбодрила она меня.

На несколько секунд память вдруг унесла меня в ещё более раннее детство.

Я вспомнил как, став пионером (о чём давно мечтал), выбросил на мойку медные крестики — свой и младшей сестры, с которой нас одновременно крестили в Бурятии, в Улан-Удэ, где тогда жили наши родители. Мне было уже два года, а сестра только родилась. И потом крестики эти в те атеистические времена, когда Никита Сергеевич Хрущёв “грозился” не только построить коммунизм, но и показать “мировой общественности” последнего попа Советского Союза, хранились у мамы в комодке под стопкой чистых полотенец.

Бабушка, мамина мать, жившая тогда у нас, узнав о моём поступке, очень огорчилась. А по утрам к общим молитвам прибавила ещё и молитвы за меня. И теперь, проснувшись раньше времени, ещё в черноте раннего зимнего утра, я видел за шторкой, отделяющей бабушкину кровать, стоящую у шкафа, на боку которого была приделана лампадка и старая, почерневшая от времени икона, тёплый, таинственный, красноватый свет этой лампадки, простирающийся из-за ситцевой ткани, и кланяющийся бабушкин силуэт. Слышал среди непонятных мне слов, произносимых ею шёпотом, и понятные:

— Господи, — просила Ксения Фёдоровна, — просвети моего внука Владимира. Наставь его на путь истинный. Спаси и сохрани его от всякого зла и козней бесовских. Прости ему грехи его...

Может быть, благодаря бабушкиным молитвам мой воинствующий атеизм, культивируемый в школе, в основном, нашей пионервожатой — задорной, весёлой девушкой с вздёрнутым маленьким носиком и жизнерадостным румянцем во всю щёку — как-то незаметно пропал. И я всё чаще стал задумываться о смысле жизни и смысле смерти. Об этих великих тайнах. И как-то, когда бабушка ушла в стайку доить корову, я зашёл в её закуток и взял с полочки небольшую книжку “Евангелие”.

Присев тут же на кровать, аккуратно застеленную разноцветным лоскутным одеялом, начал её читать.

За чтением Евангелия и застала меня Ксения Фёдоровна.

Погладив меня по голове, она присела рядом. От неё так хорошо пахло молоком и как будто таким особенным, приятным, тёплым коровьим дыханием. Обняв меня, она негромко сказала: “Знаешь, внучек, можно не верить в Бога. Как говорится, не веришь — не верь, но богохульствовать всё же нельзя! Особенно о том, чего мы не знаем и понять своим скудным умом до конца не можем”.

— А тебе, кстати, понятно, что ты прочёл? — спросила она через некоторое время, кивнув на Евангелие в моих руках.

— Не всё, — почему-то тихим голосом ответил я.

— Ну, тогда давай будем вечерами, вместо Пушкина, вместе эту книжку читать. А что тебе будет непонятно, я буду объяснять. Только в школе, и особенно пионервожатой вашей, об этом лучше не говорить. Договорились?

— Договорились, — снова тихо ответил я, чувствуя тёплый бабушкин бок и её любовь ко мне. И от всего этого, такого хорошего, мне вдруг захотелось плакать.

Теперь, иногда по вечерам, неподолгу, бабушка стала читать мне Евангелие, многое из которого я воспринял как чудесную и в то же время страшную сказку. А кое-что из всех четырёх Евангелий — от Марка, Матфея, Луки, Иоанна — запомнил цепкой детской памятью на всю жизнь. Особенно вот это: “Относись к другим так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе”.

— Ну, что?.. — будто подталкивая меня к краю пропасти, уже нетерпеливо спросила Ирина Сергеевна, бросив взгляд на настенные часы.

— Не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и люби ближнего, как самого себя... — начал я монотонным голосом и увидел, как глаза Ирины Сергеевны округлились, а взгляд из рассеянного стал как будто бы даже испуганным и недоумённым, словно я готовил ей какой-то коварный подвох. — Не судите и судимы не будете, — продолжил я, чувствуя, как стремительно лечу в бездонную пропасть, к краю которой меня подтолкнула эта красивая женщина. — Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит, — продолжал я автоматически, вытягивая из своей памяти всё, что помнил, составляя немислимую мозаику неведомого мне “Кодекса строителя коммунизма”. — Дух бодр, плоть же немощна. Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но большее горе тому человеку, через которого соблазн приходит.

Я замолчал, почувствовав, что уже вычерпал из колодца памяти почти все запомнившиеся мне с детства фрагменты Евангелия, произнесённые мною, может быть, и не совсем верно. И ещё я почувствовал, что уже почти достиг дна пропасти и сейчас меня расплющит об острые, безжалостные, спокойные камни. Но перед тем как это произойдёт, я решил, не пряча больше глаз, прямо взглянуть на Ирину Сергеевну.

Удивительно, но взор её не был больше не возмущённым, ни удивлённым, а был каким-то затуманенным, словно она и не слушала меня, напряжённо думая о чём-то очень важном для самой себя.

— А ведь, по сути-то, верно, — произнесла она, наконец, каким-то изменившимся голосом. И будто откуда-то издалека добавила: — Давайте зачётку.

Взяв зачётную книжку и не открывая её, она спросила:

— Вы куда на практику отправляетесь?

— На Командоры. Проводить учёт морских котиков.

— Это где-то рядом с Японией, кажется?

— Нет. Эти острова находятся значительно севернее от основных японских — Хонсю и Хоккайдо, и Курильских островов, и Сахалина, и даже Камчатки. — Как перед нерадивым учеником, испытывая при этом некое тщеславное чувство, мол, “знай наших!” блеснул я своими географическими познаниями, да не перед кем-нибудь, а перед преподавателем высшей школы! — Там, кстати, бывал Джек Лондон, когда работал на зверобойных судах.

— А я почему-то думала, что это рядом с Японией, — рассеянно, словно продолжая думать о чём-то важном для себя, произнесла Ирина Сергеевна, вставая из-за стола и продолжая держать мою нераскрытую зачётку в левой руке.

Она прошла мимо меня и машинально потрепала по голове, слегка взлохматив мои волосы.

Наверное, так могла поступить мама или любимая девушка, но никак не преподаватель научного коммунизма.

— Мечтаете стать Джеком Лондоном? — словно и не заметив своего жеста, спросила Ирина Сергеевна. И не дожидаясь ответа, продолжила: — Куда же я её задевала?

Оглянувшись, я увидел, что она что-то ищет в своей сумочке на тумбочке, стоящей перед довольно большим, висевшим на стене зеркалом.

— А, вот она. Ну, слава Богу, нашлась. — Она вынула из сумки авторучку с золотым пером, добавив: — Люблю, знаете ли, расписываться перьевой ручкой с чёрной тушью. Тогда подпись выглядит эстетично, как иероглиф на рисовой бумаге. Да и ручку эту мне, кстати, давно уже, правда, мой бывший друг из Японии привёз.

Она вернулась к столу. Раскрыла зачётку. И на мгновение задумавшись, отчего у неё образовались две продольные складки у переносицы, с какой-то грустной улыбкой продекламировала:

*Порою заметишь вдруг:
Пыль затемнила зеркало,
Сиявшее чистотой.
Вот он, открылся глазам —
Образ нашего мира.*

— Это стихи Сайгё, из знаменитого воинского рода Сато. Он жил в Японии в двенадцатом веке. Не знаете такого поэта?

— Не знаю, — честно ответил я.

— Ну, ещё узнаете. Какие ваши годы, — сказала Ирина Сергеевна, склонившись над зачёткой.

Написав оценку и расписавшись в следующей графе, она передала её мне.

— Удачной вам практики, — пожелала Ирина Сергеевна, вставая со стула и как бы давая мне понять, что разговор окончен.

— Спасибо, — ответил я.

Выйдя из бывшего храма, я дошёл до близкой к нему набережной и, присев на первую попавшуюся скамейку, открыл зачётку.

“Значит она всё-таки отличает меня”, — мелькнула в голове мысль, потому что в графе оценок было написано: “Отлично”. И, чуть дальше, в следующей графе таким же красивым почерком была выведена подпись Ирины Сергеевны. Совсем, впрочем, не похожая на иероглиф.

“И. Казак” читалось в зачётке, потому что фамилия Ирины Сергеевны была Казакова.